

ТЕОРИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ПОЛЕМИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2024-3-18-36

М. В. Строганов¹

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

ТЕКСТ ПРОСТРАНСТВА – МЕТАФОРА ИЛИ ТЕРМИН?

Уяснение истоков терминологии помогает дифференциации научных направлений. Выражение *текст пространства* восходит к мифопоэтическому, а не логическому дискурсу и сохраняет метафорические коннотации. Поэтому понятия *провинциальный текст* и *локальный текст* также условны. С термином *провинциальный текст* связаны отрицательные коннотации слова *провинция*. Термин *локальный текст* является фактически транслитерацией оборота *local text* (Ф. М. Кросс); в отечественной научной традиции он используется как синоним выражения *текст пространства* под влиянием выражения *петербургский текст* (В. Н. Топоров).

Ключевые слова: терминология, текст пространства, провинциальный текст, локальный текст, петербургский текст, мифопоэтика, В. Н. Топоров

M. V. Stroganov

*Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

IS THE TEXT OF SPACE A METAPHOR OR A TERM?

Understanding the origins of terminology helps to differentiate scientific fields. The expression the *text of space* goes back to mythopoetic rather than logical discourse and retains metaphorical connotations. Therefore, the concepts of *provincial text* and *local text* are also conditional. The term *provincial text* has negative connotations of the word *province*. The term *local text* is actually a transliteration of the turnover *local text* (F. M. Cross); in the Russian scientific tradition it is used as a synonym for the expression *text space* under the influence of the expression *Petersburg text* (V. N. Toporov).

Keywords: terminology, text of space, provincial text, local text, St. Petersburg text, mythopoetics, V. N. Toporov

Читать можно всё, если слово *читать* использовать в переносном значении. Можно и судьбу читать по руке – и до многого можно дочитать. Другое дело – читать погодные приметы, читать путь в море по расположению солнца и звезд: тут слово *читать* утрачивает метафорическое значение и приобретает

¹ Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

явно терминологический характер, а ироническое отношение к подобному словупотреблению исчезает. Короче, читать пространство – можно, однако никто еще не думал договариваться о специфике пространства как текста, тем более – о специфике пространства не в конкретном, а в коллективном тексте, например – в русской литературе.

Совершенно очевидно, что обычный словесный текст, каковым является любой текст, существует сам по себе, до нашего обращения к нему. Так существуют тексты «Евгения Онегина» и поговорки «с волками жить...». Но текст пространства (провинциальный, локальный) не существует до того момента, пока мы не начали изучать его. Разумеется, в любом пространстве существуют церкви, улицы и памятники. Но соединение их в единый текст осуществляет тот или иной человек, и совершенно всё равно, кто он – кабинетный исследователь или пьяный мужик, который рассказывает вам, что по этой улице ходить опасно: он вчера шел, и ему там морду набили. В этом отношении следует напомнить предложенную некоторое время назад формулу «слова ткнут текст пространства» [Милюгина, 2014, с. 3]. Она весьма справедлива: то, что не названо словами, не является текстом. Локальные тексты создают люди, живущие в определенном пространстве или наблюдающие его, и в этом их сходство с текстами «Евгения Онегина» и поговоркой про волков. Но текст «Евгения Онегина» существует сам по себе и вне зависимости от каждого из нас; если какой-то школьник не прочитает роман Пушкина, он всё равно будет существовать. Представление же о том, что локальный текст существует как таковой, приводит нас к ложным выводам; если кто-то: местный житель или исследователь – не расскажет его, он не существует.

Скажем иначе. Исследователь полагает, что, когда он описывает локальный текст, он изучает нечто объективно данное. На самом же деле исследователь сам в процессе этого описания создает текст. И то, что мы читаем в книгах В. Н. Топорова о Петербурге, – это текст, который был порожден им самим, а не текст, который существовал до него. В. Н. Топоров сделал акцент на реках и речках Петербурга, и в это описание неизбежно входили мосты. Другой исследователь сделал бы акцент на мостах, и в это описание необходимо входили бы реки. Обе картины изображали бы Петербург, но они различались бы так же, как два портрета одного человека, написанные разными художниками.

При этом различия между прямым и переносным значениями слова *текст*, о которых мы сказали ранее, оказываются нерелевантными, поскольку все концепции, которые считаются нами научными, в той или иной форме восходят к мифопоэтическим представлениям о мире. Это прекрасно показал в свое время В. Н. Топоров, хотя и не ставил именно это своей непосредственной целью. Более того, описывая эти мифопоэтические представления, В. Н. Топоров сам очень часто переходил с дискретного языка науки на мифопоэтический язык самого предмета исследования; например: «Слово (и текст) обладают некими общими с пространством чертами. Прежде всего, Слово (и текст) про-

странственно и постольку открыто, свободно. Оно принципиально может быть образом самого пространства <...>. В этом смысле можно говорить о пространстве, описывающем само себя, о части, которая говорит про целое, к которому она принадлежит, т. е. о метонимии, понимаемой в специальном ракурсе как описание одной единицы пространства с помощью другой, т. е. такое описание, которое предполагает в своих истоках соотнесение части пространства со своей собственной частью или смежной частью того же пространства» [Топоров, 1983, с. 241]. Поскольку мысли В. Н. Топорова, которые были усвоены подчас очень произвольно, и многие счастливые выражения его (тоже в достаточно произвольных значениях) стали использоваться в научном обиходе как термины, мы должны учитывать эту специфику его словоупотребления с самого начала.

О пространстве как тексте начали говорить (в России) уже в середине 1990-х гг., и тогда сразу же была осознана необходимость создания категориального аппарата для его описания. Но первоначально исследователи использовали разные слова, которые ранее находились в более или менее активном научном обороте, – без рефлексии по поводу той культурной традиции, которая за ними стоит (см. об этом: [Зайонц, 2003, р. 307330]; [Зайонц, 2004, с. 427456]; см. также: [Вестстейн, 2004, с. 500]). В настоящих заметках мы пытаемся в меру своих сил компенсировать недостаток этой рефлексии.

Категориальный аппарат пространствоведения имел два источника. Первым источником была уже сложившаяся к тому времени лексика, которая в новых условиях приобретала специфическое значение, но тем не менее не устраивала исследователей шлейфом оценочных коннотаций. Так сразу же вошел в обиход и стал лозунговым термин *провинция* (а также производные от него *провинциальность* и *провинциализм*, которые долгое время, а многими и теперь, не различаются): *русская провинция*, *провинция в русской культуре* – эти формулы стали названиями многочисленных конференций и сборников. Медленнее усваивался термин *краеведение*, за которым тянулся шлейф раннесоветских представлений о мелкобуржуазности и позднесоветских представлений о мелкобуржуазности и бесполетности. Чуть позднее в этот круг вошел термин *областничество*, но в силу политических коннотаций он так и не успел получить статус общепринятого термина. Термины *областничество* и *краеведение* сформировались в общественно-политическом дискурсе второй половины и даже конца XIX в. именно как термины, и генезис их очевиден. Сложнее ситуация обстоит с термином *провинция*.

Начнем с того, что этот термин в русском языке имеет слабое воспоминание о старинном административно-территориальном значении. В. И. Даль так описывал это слово: «губерния, область, округ; уезд. *Жить в провинции*, не в столице, в губернии, уезде. *При Петре у нас были провинции, уезды*» [Толковый словарь, 1882, с. 489]. Но уже в приведенном примере к нейтральному административно-территориальному значению («*При Петре у нас были провинции, уезды*») присоединяется значение качественное: «*Жить в провинции*»

означает жить «не в столице». Столицу В. И. Даль определяет прямо, непосредственно; а значение слова *провинция* он дает не непосредственно, не позитивно, а опосредованно, негативно, в отталкивании от слова *столица*. Так, как если бы слово *руки* он определял ‘верхние конечности человека’, а слово *ноги* определял бы не ‘нижние конечности человека’, а ‘не руки’. Так же в отталкивании от столицы В. И. Даль описывает и слова *провинциал* и *провинциалка*: «живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья» [Толковый словарь, 1882, с. 489], однако здесь, хотя и в самом конце, появляется и прямая оценка: *захолустье*. Получается, что провинция не имеет своего голоса, своего лица, своего имени; она не может даже сама заявить о себе; провинция – это отражение столицы.

В. И. Даль, у которого мы заимствовали эти определения и примеры, вовсе не был штатным певцом столицы. Родившийся и проживший значительную часть своей жизни и умерший вне столицы, исходивший в своей работе из культурного равноправия и реального равенства каждого локуса, В. И. Даль добросовестно зафиксировал реальное положение дел. Определить столицу легко: это ‘центр страны, государства’. И столь же легко определить провинцию: это ‘всё, что не столица’. Но это негативное определение. А попробуешь определить иначе, позитивно – не получается. Провинция – очевидно слабое место в семантической оппозиции со столицей, и столь же очевидны реальные культурные и социальные основания этого неравенства.

На тех провинциальных конференциях, которые собирались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Твери, Ельце и Перми по инициативе А. Ф. Белоусова и Т. В. Цивьян, собственно этим феноменом провинции занимались очень немногие участники. В качестве счастливых исключений назовем указанные ранее работы Л. О. Зайонц, а также: [Строганова, 2000, с. 196–205]; [*Аханкина*, 2001, с. 611]. Огромное значение имел анализ именовании провинциального пространства, которые отражали точку зрения столицы: город Эн (Н, N, N-ск и проч.), Урюпинск (Царевококшайск), местá (уезд, медвежий угол) и поэтических текстов разных провинциальных авторов, посвященных провинции (непрофессиональных и профессиональных: Е. Шешолина, А. Шадринова, А. Ярцевой), которые отражали эту внутреннюю точку зрения (по большей части эти статьи собраны в разделе «Российская провинция» в кн.: [Белоусов, 2023]). Не меньшее значение имело описание комплекса провинциального сознания (*провинциализм/провинциальность*) и формул, которые были порождены этим комплексом: «Москвы уголок», «третий Рим», «северная Венеция» (см. подробнее: [Строганов, 2000, с. 414–443]; [Строганов, 2009, с. 23–27]; [Строганов, 2014, с. 145–148]).

Однако большая часть участников этого проекта исследовали нестоличное пространство не как провинциальный, а как локальный текст, что было обусловлено, видимо, той семантической слабостью *провинции* в оппозиции ее со столицей, о которой мы говорили ранее. Дав явлению другое имя, иссле-

дователи пытались снять проблему, невольно прибегая, таким образом, к одной из древнейших практик человека – перемена имени при обряде перехода. Параллельно провинциальным исследованиям в среде филологически ориентированной гуманитаристики с начала 1990-х гг. в среде историков и социологов сформировалось аналогичное стремление преодолеть свойственное российской социальной жизни разделение на столицу и провинцию, что вызвало усиленное использование термина *регионализм* (см.: [Лексин, 1993]; [Каганский, 1994, с. 171–175]; [Сергунин, 1994, с. 149–151]; [Алексеев, 1996, с. 411]; [Методология региональных исторических исследований, 2000]; [Орешина, 2000]; [Регионы и регионализм, 2001]). И тогда же была предпринята попытка заменить излишне идеологически нагруженную оппозицию столица/провинция более нейтральной (как казалось) оппозицией центр/периферия, как будто слово *периферия* само по себе менее оценочно, чем слово *провинция* [Грицай, 1991]; [Эмар, 1999, с. 67–69]. Однако, как показывает опыт последней четверти века, хотя термин *регионализм* и оппозиция центр/периферия прижились и используются, но культурная оппозиция столицы и провинции осталась такой же, какой была и ранее.

Вторым источником терминообразования при изучении провинции стала новая (хотя на самом деле только обновленная) лексика, генезис которой был, сколько мы можем судить, совершенно неизвестен большинству исследователей, вследствие чего в использовании ее допускался значительный произвол. Эта большая семья терминов включает в себя обозначение локуса и слово *текст*: петербургский, пермский, локальные тексты, хотя как таковой термин *локальный текст* в то время не был еще в ходу. Описание пространства как провинции, как гомогенного, изоморфного пространства (город Эн, Урюпинск, «Москвы уголок») представлялось менее выигрышным для репрезентации того частного материала, который находился в руках каждого из авторов; гораздо более перспективным и привлекательным выглядело описание отдельных пространств как локальных текстов, как пространств гетерогенных, каждый из которых непохож на другие.

В свое время мы пытались поставить в типологические отношения провинциаловедение, областничество, краеведение и локальный текст как особые методы исследования пространства [Строганов, 2009, с. 7–58]. Но в то время нашей целью была история и типология самих этих явлений, а не история означающих их слов. Сейчас нас интересует история терминов, и далее мы остановимся на локальных и прочих текстах.

Термин *локальный текст* был во многом близок к термину *краеведение*, поскольку описывал пространство вне социальной оппозиции столицы и провинции и акцентировал местную специфику пространства. Он был удобен, потому что оказывался родовым понятием по отношению ко всяким пермским, вологодским, курским, сибирским, алтайским и прочим текстам, многим из которых еще только предстояло возникнуть, и давал основание для типологического сопоставления их.

Между тем термин *локальный текст* в англоязычной научной традиции появился еще в 1960-е гг., когда Френк М. Кросс, классифицируя кумранские рукописи, пришел к выводу, что «We may sketch the history of the local texts as follows. Three textual families appear to have developed slowly between the fifth and first centuries B. c., in Palestine, in Egypt, and in a third locality, presumably Babylon» [Cross, 1976, p. 283; ср. также p. 289, 290, 291]. Несколько более раннюю редакцию понятия local text см.: «It had become clear that at Qumran we had penetrated to an era when local texts prevailed, and, so far as the Qumran community was concerned, before the promulgation of an authoritative recension» [Cross, 1975, p. 182; ср. также: p. 185, 186, 193, 195]. Значение словосочетания local text очевидно: 'вариант, распространенный в определенной местности'.

В этом отношении local texts и textual families означают примерно то же самое, что в фольклористике принято называть региональными вариантами. Таковы, например, названия величальных песен на святках в разных регионах: *колядки, виноградьа, овсени* (мы оставляем в стороне так и не решенный пока в фольклористике вопрос о конкретных границах между этими именованиями [Бернштам, 1981, с. 3–109], поскольку нам сейчас важно только указать на само это явление). И Ф. М. Кросс не случайно рядом с библейскими текстами называет в своих исследованиях гомеровские поэмы. Как мы понимаем, термины *этнолект* и *региональный вариант* языка в современной лингвистике имеют несколько иное значение, поскольку они не имеют равнозначной альтернативы.

В отечественной научной литературе термин *локальный текст* впервые использовал, насколько нам известно, И. Д. Амосин в книге 1983 г. о кумранских рукописях при изложении результатов работы Ф. М. Кросса над этими материалами: «В 60-х годах Ф. Кросс приступил к разработке так называемой „эволюционной теории локальных текстов“. Разнообразие библейских рукописей, открытых в районе Мертвого моря, и их типологическая классификация позволили Кроссу выделить три группы „локальных текстов“ или „текстуальных семейств“ (textual families): египетскую, палестинскую и вавилонскую»; «Устав и Дамасский документ отражают различные сосуществующие локальные группы» [Амосин, 1983, с. 43, 105].

Как видим, И. Д. Амосин фактически не перевел обороты local text и textual family, а скорее «транслитерировал» их (настоящим переводом был бы термин *региональный вариант*). В более ранних книгах, когда Ф. М. Кросс еще не ввел в обиход эти обороты, И. Д. Амосин использовал более привычную терминологию: «Библейские рукописи Кумрана представлены тремя текстуальными традициями. Большая часть рукописей принадлежит к так называемой протомасоретской традиции»; «...установлен новый факт кардинальной важности: наличие основных, сосуществовавших версий библейского текста – еврейского архетипа Септуагинты, протосамаритянской и самаритянской, протомасоретской и близкой к масоретской, а также промежуточных и варьирующих версий» [Амосин, 1960, с. 83, 90]. Иначе сказать, наличие разных региональных (и язы-

ковых) *традиций, версий* текстов, которые впоследствии составили «библейский текст», было ясно еще до 1960 г., и Ф. М. Кросс только ввел оборот *local text* для их обозначения.

Российские провинциаловеды в большинстве своем не знали, как мы понимаем, это исходное значение термина (едва ли они сознательно пренебрегали им и умалчивали это знание). Поэтому они стали называть локальным текстом тот текст, который описывает определенную местность. Таким образом, уже на этом первом этапе употребление словосочетание *локальный текст* претерпело серьезный и едва ли оправданный семантический сдвиг и стало употребляться в ином значении.

В принципе, локальным текстом можно называть (и называют) два явления. Во-первых, так называют текст о некоторой определенной местности, который имеет не местное, но общее значение в том или ином культурном сознании, например *крымский текст*. Во-вторых, так может быть назван (и так называют) текст, обслуживающий только определенную местность и практически не актуальный за ее пределами; таков, например, любой текст о каком-нибудь районном городе, пускай даже имевшем славное и общезначимое прошлое, например *новоторжский текст*. Однако мнение об актуальности того или иного текста весьма относительно и, следовательно, оценочно. Дело не в том, что *новоторжский текст* менее значим для общероссийского сознания, чем *крымский текст*, потому что и этот последний перед *парижским текстом* покажется более мелким и «провинциальным». Дело в том, что термин *парижский текст* для российского культурного сознания означает совсем не то, что он означает, например, для американского культурного сознания, по сути – это два совершенно разных текста. Не стоит говорить уже о том, что само это словосочетание *парижский текст* для нашего слуха оказывается совершенно непривычным. Мы можем сказать *екатеринбургский текст, ивановский (иваново-воскресенский) текст*, и мы говорим *петербургский* и *пермский текст*, но сказать *парижский текст* (равно как *ню-йоркский* или *лондонский*) – язык не поворачивается.

Такова ситуация на настоящий момент. Однако стоит заглянуть в прошлое.

Появлению термина *локальный текст* в русской традиции предшествовало сначала спорадическое, а затем и систематическое употребление понятия *петербургский текст*, в истории которого существует несколько непроясненных вопросов относительно времени его создания и его содержательного наполнения. Традиционно все указывают на работу В. Н. Топорова, которая была опубликована в 1984 г. [Топоров, 1984, с. 429] (переиздания: [Топоров, 1995, с. 259–367]; [Топоров, 2003]; [Топоров, 2009, с. 644–748]), но позднее датирована им самим 1971 г. Между тем сам В. Н. Топоров использовал это понятие уже в работе 1973 г. [Топоров, 1973а, р. 225–302] (сокращенный вариант: [Топоров, 1973б, с. 91–109]; переиздания: [Топоров, 1995, с. 193–258]; [Топоров, 2009, с. 391–452]; датирована им 1972 г.), а в 1975 г. ввел его (вместе с коллегами) в заглавие работы [Тименчик, 1975, с. 129–135] (мне уже приходилось касаться всей этой исто-

рии [Строганов, 2004а, с. 483–496]). Вместе с тем ни в этих, ни в других каких работах В. Н. Топоров не давал определения этого понятия, в 1975 и 1984 гг. слова *петербургский текст* взяты в кавычки – видимо, как рабочее понятие, а в работе 1973 г. мы встречаем два написания: «*петербургский текст русской литературы*» (всё в кавычках) и «*петербургский текст*» *русской литературы* (в кавычках только два первые слова). Наконец, известно, что на прямые вопросы при устных выступлениях В. Н. Топоров всегда уходил от четкой дефиниции. Теперь мы можем предположить, почему – уходил: он лучше других знал работы, посвященные кумранским рукописям, и, видимо, хотел избежать ненужных ассоциаций с тем понятием, которое использовал Ф. М. Кросс. Именно поэтому В. Н. Топоров, признавая возможность индивидуального употребления словосочетания *петербургский текст*, отрицал допустимость переноса этой конструкции на другие города. Впрочем, всё это – наша реконструкция, и проверить ее в настоящее время уже нельзя. Но насколько мы понимаем, это единственное объяснение данной ситуации.

Между тем исследователи пространства как текста считали четкость дефиниции крайне необходимой, так как семиотизация пространства, репрезентация его как текста естественно провоцировали вопрос о его поэтике. Все исходило из семиотической презумпции, что текст должен иметь поэтику, что текст без поэтики – это уже и не текст. Поэтому локальный текст должен был иметь свою поэтику, а не только «содержание», не только мифологию. Однако тот пример, который был актуализирован в одной из работ о петербургском тексте: «В Петербурге жить – словно спать в гробу», ясно указывал, что существует некая петербургская мифология, но никакая специфическая петербургская поэтика в этом тексте не просматривалась.

В. Н. Топоров писал, что, «как и всякий другой город, Петербург имеет свой „язык“». Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров, 2003, с. 22]. Хотя В. Н. Топоров был против того, чтобы конструкции типа *петербургский текст* применялись к другим городам, оговорка «как и всякий другой город» вполне определенно ставит петербургский текст в типологический ряд с текстами других городов и, следовательно, позволяет вести речь о его поэтике.

Но, с другой стороны, В. Н. Топоров писал: «Но уникален в русской истории Петербург и тем, что ему в соответствие поставлен особый „Петербургский“ текст, точнее, некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального. Петербургский текст может быть определен эмпирически указанием круга основных текстов русской литературы, связанных с ним, и соответственно хронологических рамок его. Начало

Петербургскому тексту было положено на рубеже 20–30-х годов XIX века Пушкиным...» [Топоров, 2003, с. 23]. Из этого суждения прямо следует, что никакой иной город не имеет своего локального текста и тем более сверттекста, поэтому речь может идти только о мифологии Петербурга. Отсюда – колеблющееся и ненормативное написание словосочетания *петербургский текст* во всём этом фрагменте: «Петербургский» то в кавычках и разрядкой, то без кавычек и разрядки, но оба раза – с прописной буквы, как собственное имя (другие примеры колеблющегося написания мы привели ранее). Исследователи, которые ссылаются на В. Н. Топорова и применяют понятия *текст* и *сверттекст* к описанию других городов, должны были бы учитывать, что сам он такое применение не предполагал и даже прямо и вполне определенно возражал против него: «описания Москвы от Карамзина до Андрея Белого, не образуют, однако, особого „московского“ текста русской литературы» [Топоров, 2003, с. 26]. Однако не взирая на это предупреждение вскоре появились большие коллективные и индивидуальные работы о московском тексте, в которых участвовали люди, иногда лично близкие к В. Н. Топорову (см.: [Лотмановский сборник 2, 1997, с. 483–835 (статьи М. Б. Плехановой, Е. А. Погосян, К. Ю. Рогова, Т. М. Николаевой, С. Шварцбанда, Т. В. Цивьян, М. Л. Спивак, С. Бурины, О. Е. Майоровой, В. Ю. Проскуриной, О. Я. Обуховой, Ю. Л. Фрейдина, Л. Ф. Кациса, М. П. Одесского, Д. М. Фельдмана, С. Гардзонио, Н. Ю. Молока, Е. М. Сморгуновой, Е. Е. Левкиевской)]; [Москва и «московский текст», 1998]; [ЛЮсый, 2013].

Как мы уже сказали, отчасти в этом был виноват и сам В. Н. Топоров, поскольку он в своих собственных исследованиях мешал мифопоэтический язык предмета исследования с дискретным языком научного описания. Авторы же, которые следовали за ним, не учитывали этой манеры его научного дискурса, и слово *сверттекст* (иногда *гипертекст*, что в смысловом отношении неточно) из частного каузального понятия, каким оно было у В. Н. Топорова, превратилось в термин.

Вообще отказ от строгой терминологии при описании пространства как текста представляется весьма оправданным приемом. Ни И. М. Гревс, ни Н. П. Анциферов не использовали строгой терминологии в своих работах и даже уходили от такой строгости в область метафоры и описательности, что отразилось в названиях их книг: «Душа Петербурга» (Берлин, 1922), «Быль и миф Петербурга» (Пг., 1924) Н. П. Анциферова, «По очагам культуры» И. М. Гревса (Л., 1926). Свою модель анализа городского пространства Н. П. Анциферов назвал *метафизикой города*. А важнейшие направления в изучении культурного пространства города, которые должны учитывать его знаковую сущность, это анатомия, физиология, психология и т. д. Метафора в научном дискурсе оказывалась предпочтительнее термина.

Когда речь идет о петербургском тексте в понимании В. Н. Топорова, мы говорим об индивидуальной мифологизации пространства, которое реализуется вследствие закрепления за ним некоторых определенных метафор. Но если мы

говорим о локальном тексте, то речь идет о воспроизведении типичных пространственных мифов, которые также реализуются вследствие закрепления за ними некоторых типовых метафор. Поэтому все локальные тексты суть в известном смысле типовые и потому провинциальные, и даже локальный текст столицы приобретает характер провинциального. Повторение этого необходимо нам не для того, чтобы в очередной раз подчеркнуть ценность провинциального локуса и умалить значение столичного, поскольку мы хорошо понимаем, что утверждение «провинция спасет Россию» справедливо в той же мере, в какой мере справедливо утверждение «красота спасет мир». Повторение этого должно нас подвести к уяснению механизма формирования локальных текстов, поскольку они представляются никак не освоенными.

Короче говоря, к началу 1990-х гг. отечественное филологически ориентированное пространствоведение имело понятия *петербургский текст* (В. Н. Топоров) и *локальный текст* (Ф. М. Кросс). Соединение этих формул и породило современный термин *локальный текст* – не в том понимании, какое придавал ему Ф. М. Кросс, и не в том понимании, как *петербургский текст* у В. Н. Топорова, хотя и в некоторой степени близко к нему, поскольку речь в обоих случаях шла о мифопоэтическом восприятии пространства.

Термин *локальный текст* был если не впервые, то во всяком случае наиболее активно репродуцирован в своем современном мифопоэтическом значении в работах В. В. Абашева, на которых нам и следует теперь остановиться. В своей главной работе о пермском тексте В. В. Абашев писал: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется *локальный текст* культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [Абашев, 2000, с. 11–12]. Впервые эти тезисы были выдвинуты в 1998 г. на 2-й «провинциальной» конференции в Твери, которую автор этих строк проводил совместно с А. Ф. Белоусовым и Т. В. Цивьян (и по их инициативе). В. В. Абашев в то время еще достаточно робко употреблял этот термин. Но опубликованная позднее работа В. В. Абашева «Пермь как текст» имела весьма широкий резонанс, и в настоящее время это одна из наиболее часто цитируемых работ. Однако что же она дала?

Одно из центральных положений ее состояло в объяснении основного мифа Перми как центра мира, поскольку «там Европа переходит в Азию» [Абашев, 2000, с. 299–323]. Между тем основной миф свойствен всем мифологиям и локусам мира, в частности центром мира называют Старую Руссу, в названии которой есть слово *старая*, а Новгород Великий, который находится рядом, который является областным и наделен большей исторической славой, называется *новым городом*, молодым [Литягин, 2000, с. 334–346]; [Литягин, 2004, с. 179–198]. Известны и другие не менее славные «центры мира», в той или иной степени это

касается и других «пограничных» городов. И в каждом таком случае описания провинциальных городов в качестве локальных текстов выдвигает эти города в центр культурного внимания (см. также: [Веселова, 2001, с. 72–75]; [Равинский, 2004, с. 61–76]). Широкое распространение этого приема привело к тому, что еще в начале XX в. он стал объектом пародии: «Существует и еще один прием исторических исследований, изобретенный историками села Талдома Калязинского уезда, известного каждому образованному человеку, так как один талдомский старожил с очевидностью доказал, что Талдом есть пуп земли. Талдомские историки утверждают, что основатель села Талдома поставил сначала один дом, осмотрел его, самодовольно крикнул, расправил усы, погладил бороду и сказал: „Стал дом“. Эти-то слова и послужили названием селу, причем от имени *Сталдом* вследствие долгого употребления как-то незаметно оторвалась первая буква *с*, оторвалась и потерялась, как пуговица. Это, конечно, вполне естественно, так как всякому школьнику известно, что при неосторожном обращении с книгой, например, от нее прежде всего отрывается не одна даже буква, а целый и именно первый выходной лист» [Строганов, 2004б, с. 76].

Эта геополитическая амбиция не является категорией поэтики, однако она мотивирует мифопорождение: основной миф тянет за собой новые и новые «частные» мифы. В этой связи напомним начало одной пародии на провинциальный текст, которая была написана в начале XX в., когда никакой речи о локальных текстах еще не было: «История города Кашина имеет поразительное сходство с историей мидян. По словам всем нам известного историка Иловайского, история мидян “темна и баснословна”. То же самое под присягою можно засвидетельствовать и относительно города Кашина» [Строганов, 2004б, с. 76–77].

Такое «мифологическое» объяснение начала истории Кашина (основной миф) закономерно провоцирует мифологическое истолкование всех последующих объектов: «В Кашине три моста, и все они поучительны для историка. Добрынинский мост носит имя богатыря Добрыни Никитича, который выстроил его лет за десять до крещения Руси. Сооружение богатырское, по древности шатается, езда шагом. Ильинский мост называется именем своего строителя Ильи Муромца, комиссара богатырей. Мост еще до войны сломан по стратегическим соображениям на случай наступления неприятеля. Московский мост строил, по преданию, Соловей-разбойник (не он ли основал и город, ведь тоже разбойник?), имя же Московского дано мосту исключительно вследствие близости его к Московской пекарне г-на Лаврикова. Кашин справедливо гордится своими мостами: на Руси очень мало столь древних построек» [Строганов, 2004б, с. 77].

В локальных текстах постоянно встречаются такие приемы мифологической мотивации, как народная этимология, мотивированное объяснение происхождения географических названий, включение в него особо знаменательных персон и «исторические» гипотезы, а также использование поговорок, создающих образ «младшего брата», типа «Тула-городок – Москвы уголок». Но та же

самая геополитическая амбиция лежит и в основе концепции «Москва – третий Рим». Получается, что провинциальная Тула (Кашин, Тверь, Коломна, Елец и многие другие), желая поднять свой статус, называет себя пригородом столицы. Но точно так же Москва, желая поднять свой статус до имперского уровня, утверждает, что был Рим, после его духовного и политического падения вторым Римом был Константинополь, третьим после его падения стала Москва, четвертому не бывать. Таким образом, столица «Московии», называя себя третьим Римом и претендуя на соответствующую столичность (центр подлинного христианства), на деле признает свою провинциальность (вторичность) по отношению к изначально имперскому Риму. Нечто подобное мы видим и в именовании Иванова-Вознесенска Русским Манчестером. Геополитическая амбиция заставляет менее статусный локус присоседиться к более статусному. Это типичный прием построения локальной мифологии, и у всех локальных текстов (у пермского, старорусского, московского) он всегда один и тот же. Однако этот прием едва ли можно назвать приемом поэтики собственно локального текста.

Подводя итоги, можно было бы сказать так. Сложная судьба пространствоведческой терминологии обусловлена спецификой применения к пространству термина *текст*. Не взирая на всё стремление достичь необходимой терминологической точности, текст пространства и сам оборот *текст пространства* неизбежно влекут за собой метафорический шлейф, как если бы каждый раз, глядя на крыльцо и говоря слово *крыльцо*, мы вспоминали о крыле птицы, глядя в окно и говоря слово *окно*, – о глазе, и т. д. Поэтому понятия *провинциальный текст* и *локальный текст* неизбежно условны. Разница между этими текстами в том, что провинциальный текст нацелен на типологизацию, а локальный – на индивидуализацию, хотя индивидуальность локального текста обманчива. Авторы, которые описывают свои локальные тексты, описывают их по отдельности, не видя соседние и не замечая сходства своих локальных текстов с другими. Между тем именно выявление сходства разных локальных текстов и должно стать главной задачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абашев, В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. **Абашев, В. В.** Пермский текст в русской культуре / В. В. Абашев // Русская провинция: миф – текст – реальность / Составители А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва; Санкт-Петербург: Тема, 2000. – С. 299–323.
3. **Алексеев, В. В.** Регионализм в России: история и перспективы / В. В. Алексеев, Е. Т. Артемов // Уральский исторический вестник (Екатеринбург). – 1996. – № 3. – С. 4–11.
4. **Амусин, И. Д.** Кумранская община / И. Д. Амусин. – Москва: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1983. – 328 с.

5. **Амусин, И. Д.** Рукописи Мертвого моря / И. Д. Амусин. – Москва: Изд. АН СССР, 1960. – 272 с.
6. **Ахапкина, Я. Э.** Провинция, периферия – проблема номинации / Я. Э. Ахапкина // Провинция как реальность и объект осмысления / Составители А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – С. 6–11.
7. **Белоусов, А. Ф.** Культура. Литература. Фольклор: [Избранные статьи] / А. Ф. Белоусов; ред.-сост. Е. А. Белоусова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 784 с.
8. **Бернштам, Т. А.** Виноградье – песня и обряд / Т. А. Бернштам, В. А. Лапин // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 3–109.
9. **Веселова, А. Ю.** «ЗАТО мы делаем ракеты и перекрыли Енисей...» (Красноярск-26. Культурный феномен закрытого города) / А. Ю. Веселова // Провинция как реальность и объект осмысления / Составители А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь: Золотая буква, 2001. – С. 72–75.
10. **Вестстейн, В.** Понятие «провинция» в некоторых западноевропейских языках (английском, французском, немецком и нидерландском) / В. Вестстейн // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Составители В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 497–502.
11. **Грицай, О.** Центр и периферия в региональном развитии / О. Грицай, Г. Иоффе, А. Трейвиш. – Москва: Наука, 1991. – 167 с.
12. **Зайонц, Л. О.** История слова и понятия провинция в русской культуре / Л. О. Зайонц // Russian Literature (Amsterdam). – 2003. – Vol. LIII. – № II/III. – P. 307–330.
13. **Зайонц, Л. О.** Русский провинциальный “миф” (К проблеме культурной типологии) / Л. О. Зайонц // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / Составители В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 427–456.
14. **Каганский, В. Л.** Реальности регионализации: основные аспекты процесса / В. Л. Каганский // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – Вып. 1. – Москва: Интерпракс, 1994. – С. 171–175.
15. **Лексин, В. Н.** Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения / В. Н. Лексин, Е. Н. Андреева. – Москва: Прогресс-Экопрос, 1993. – 160 с.
16. **Литягин, А. А.** К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) / А. А. Литягин, А. В. Тарабукина // Русская провинция: миф – текст – реальность / Составители А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва; Санкт-Петербург: Тема, 2000. – С. 334–346.

17. **Литягин, А. А.** Конфликт в бесконфликтном пространстве (старорусский текст в повседневном быту) / А. А. Литягин, А. В. Тарабукина // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Составители В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 179–198.

18. **Лотмановский сборник 2.** – Москва: Изд-во РГГУ, 1997. – 863 с.

19. **Люсий, А. П.** Московский текст: текстологическая концепция русской культуры / А. П. Люсий. – Москва: Издательский дом «Вече»; ООО «Русский импульс», 2013. – 320 с.

20. **Методология региональных исторических исследований:** российский и зарубежный опыт: Материалы международного семинара 1920 июня 2000 года, Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург: Нотабене, 2000. – 140 с.

21. **Милюгина, Е. Г.** Слова ткут текст пространства: неподведенные итоги / Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов // Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2014. – С. 5–13.

22. **Москва и «московский текст»** русской культуры: Сборник статей. – Москва: Изд-во РГГУ, 1998. – 224 с.

23. **Орешина, М. А.** Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения / М. А. Орешина. – Москва: МГИЦ, 2000. – 196 с.

24. **Равинский, Д. К.** Златоуст – город на краю Европы / Д. К. Равинский // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Составители В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 61–76.

25. **Регионы и регионализм** в странах Запада и России. – Москва: ИВИ РАН, 2001. – 260 с.

26. **Сергунин, А.** Проблемы и возможности регионалистики / А. Сергунин // Полис. – 1994. – № 5. – С. 149–151.

27. **Строганов, М. В.** Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции; Провинциальный читатель столичного журнала: Инскрипты на «Утреннем свете» из библиотеки Тверской семинарии / М. В. Строганов // Русская провинция: миф – текст – реальность / Составители А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва; Санкт-Петербург: Тема, 2000. – С. 414–443.

28. **Строганов, М. В.** Две заметки о локальных текстах / М. В. Строганов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Составители В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва: Языки русской культуры, 2004а. – С. 483–496.

29. **Строганов, М. В.** Пародия как модель «провинциального текста» / М. В. Строганов // Город, усадьба, дом в литературе: Сборник научных статей. –

Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2004б. – С. 71–78.

30. **Строганов, М. В.** Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов / М. В. Строганов. – Тверь: Тверь: Тверской государственный университет, 2009. – 196 с.

31. **Строганов, М. В.** Москвы уголок / М. В. Строганов // Москвы уголок; Широкая, привольная / раздольная // Краткий иллюстрированный словарь клише и стереотипов: К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. – Санкт-Петербург: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2009. – С. 23–27.

32. **Строганов, М. В.** Москвы уголок / М. В. Строганов // Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2014. – С. 145–148.

33. **Строганова, Е. Н.** «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х годов / Е. Н. Строганова // Русская провинция: миф – текст – реальность / Составители А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва; Санкт-Петербург: Тема, 2000. – С. 196–205.

34. **Толковый словарь** живого великорусского языка Владимира Даля. – Санкт-Петербург; Москва: Изд. М. О. Вольф, 1882. Т. 3: П. – 555 с.

35. **Тименчик, Р. Д.** Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века / Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». – Тарту: Тартуский государственный университет, 1975. – С. 129–135.

36. **Топоров, В. Н.** О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В. Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture / Ed. Jan van der Eng, Mojmir Grygar. – The Hague; Paris, 1973a. – P. 225–302.

37. **Топоров, В. Н.** Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») / В. Н. Топоров // Проблемы поэтики и истории литературы: Сборник статей. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 1973б. – С. 91–109.

38. **Топоров, В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва: Наука, 1983. – С. 227–284.

39. **Топоров, В. Н.** Петербург и «петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры: Петербург. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. – С. 4–29.

40. **Топоров, В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

41. **Топоров, В. Н.** Петербургский текст русской литературы: Избран-

ные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 2003. – 612 с.

42. **Топоров, В. Н.** Петербургский текст / В. Н. Топоров. – Москва: Наука, 2009. – 820 с.

43. **Эмар, М.** Категории «центр» и «периферия» в историографии XX в. / М. Эмар // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – Москва: ИВИ РАН, 1999. – С. 67–69.

44. **Cross, F. M., jr.** The History of the Biblical Text in the Light of Discoveries in the Judaean Desert (1964) / F. M. Cross, jr. // Qumran and the History of the Biblical Text / Ed. by Frank Moore Cross and Shemaryahu Talmon. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1975. – Pp. 177–195.

45. **Cross, F. M., jr.** The Contribution of the Qumran Discoveries to the Study of the Biblical Text (1966) / F. M. Cross, jr. // Qumran and the History of the Biblical Text / Ed. by Frank Moore Cross and Shemaryahu Talmon. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1976. – Pp. 278–292.

REFERENCES

1. **Abashev, V. V.** Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka / V. V. Abashev. – Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.

2. **Abashev, V. V.** Permskij tekst v russkoj kul'ture / V. V. Abashev // Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost' / Sostaviteli A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva; Sankt-Peterburg: Tema, 2000. – S. 299–323.

3. **Ahapkina, Ya. E.** Provinciya, periferiya – problema nominacii / Ya. E. Ahapkina // Provinciya kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya / Sostaviteli A. F. Belousov, M. V. Stroganov. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. – S. 6–11.

4. **Alekseev, V. V.** Regionalizm v Rossii: istoriya i perspektivy / V. V. Alekseev, E. T. Artemov // Ural'skij istoricheskij vestnik (Ekaterinburg). – 1996. – № 3. – S. 4–11.

5. **Amusin, I. D.** Kumranskaya obshchina / I. D. Amusin. – Moskva: Nauka; Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1983. – 328 s.

6. **Amusin, I. D.** Rukopisi Mertvogo morya / I. D. Amusin. – Moskva: Izd. AN SSSR, 1960. – 272 s.

7. **Belousov, A. F.** Kul'tura. Literatura. Fol'klor: [Izbrannye stat'i] / A. F. Belousov; red.-sost. E. A. Belousova. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 784 s.

8. **Bernshtam, T. A.** Vinograd'e – pesnya i obryad / T. A. Bernshtam, V. A. Lapin // Russkij Sever: problemy etnografii i fol'klora. – Leningrad: Nauka, 1981. – S. 3–109.

9. **Emar, M.** Kategorii «centr» i «periferiya» v istoriografii XIX v. /

M. Emar // *Evropejskij opyt i prepodavanje istorii v postsovetskoj Rossii*. – Moskva: IVI RAN, 1999. – S. 67–69.

10. **Gricaj, O.** Centr i periferiya v regional'nom razvitii / O. Gricaj, G. Ioffe, A. Trejvish . – Moskva: Nauka, 1991. – 167 s.

11. **Kaganskij, V. L.** Real'nosti regionalizacii: osnovnye aspekty processa / V. L. Kaganskij // *Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya*. – Vyp. 1. – Moskva: Interpraks, 1994. – S. 171–175.

12. **Leksin, V. N.** Regional'naya politika v kontekste novoj rossijskoj situacii i novoj metodologii ee izucheniya / V. N. Leksin, E. N. Andreeva. – Moskva: Progress-Ekopros, 1993. – 160 s.

13. **Lityagin, A. A.** K voprosu o centre Rossii (topograficheskie predstavleniya zhitelej Staroj Russy) / A. A. Lityagin, A. V. Tarabukina // *Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost'* / Sostaviteli A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva; Sankt-Peterburg: Tema, 2000. – S. 334–346.

14. **Lityagin, A. A.** Konflikt v beskonfliktnom prostranstve (staroruskij tekst v povsednevnom bytu) / A. A. Lityagin, A. V. Tarabukina // *Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty* / Sostaviteli V. V. Abashev, A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 179–198.

15. **Lotmanovskij sbornik 2**. – Moskva: Izd-vo. RGGU, 1997. – 863 s.

16. **Lyusyj, A. P.** Moskovskij tekst: tekstologicheskaya koncepciya russkoj kul'tury / A. P. Lyusyj. – Moskva: Izdatel'skij dom «Veche»; OOO «Russkij impul's», 2013. – 320 s.

17. **Metodologiya regional'nyh istoricheskikh issledovanij: rossijskij i zarubezhnyj opyt: Materialy mezhdunarodnogo seminara 19–20 iyunya 2000 goda**, Sankt-Peterburg. – Sankt-Peterburg: Notabene, 2000. – 140 s.

18. **Milyugina, E. G.** Slova tkut tekst prostranstva: nepodvedennye itogi / E. G. Milyugina, M. V. Stroganov // *Tekst prostranstva: materialy k slovarju / avt.-sost. E. G. Milyugina, M. V. Stroganov*. – Tver': SFK-ofis, 2014. – S. 5–13.

19. **Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury: Sbornik statej**. – Moskva: RGGU, 1998. – 224 s.

20. **Oreshina, M. A.** Rossiya regional'naya: teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya / M. A. Oreshina. – Moskva: MGIC, 2000. – 196 s.

21. **Ravinskij, D. K.** Zlatoust – gorod na krayu Evropy / D. K. Ravinskij // *Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty* / Sostaviteli V. V. Abashev, A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 61–76.

22. **Regiony i regionalizm v stranah Zapada i Rossii**. – Moskva: IVI RAN, 2001. – 260 s.

23. **Sergunin, A.** Problemy i vozmozhnosti regionalistiki / A. Sergunin // *Polis*. – 1994. – № 5. – S. 149–151.

24. **Stroganov, M. V.** Provincializm/provincial'nost': opyt definicii; Provincial'nyj chitatel' stolichnogo zhurnala: Inskripty na «Utrennem svete» iz biblioteki Tverskoj seminarii / M. V. Stroganov // Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost' / Sostaviteli A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva; Sankt-Peterburg: Tema, 2000. – S. 414–443.

25. **Stroganov, M. V.** Dve zametki o lokal'nyh tekstah / M. V. Stroganov // Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty / Sostaviteli V. V. Abashev, A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2004a. – S. 483–496.

26. **Stroganov, M. V.** Parodiya kak model' «provincial'nogo teksta» / M. V. Stroganov // Gorod, usad'ba, dom v literature: Sbornik nauchnyh statej. – Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2004b. – S. 71–78.

27. **Stroganov, M. V.** Literaturnoe kraevedenie: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov universitetov / M. V. Stroganov. – Tver': Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2009. – 196 s.

28. **Stroganov, M. V.** Moskvyy ugolok / M. V. Stroganov // Moskvyy ugolok // Kratkij illyustrirovannyj slovar' klishe i stereotipov: K 60-letiyu Pavla Anatol'evicha Klubkova. – Sankt-Peterburg: Institut logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti, 2009. – S. 23–27.

29. **Stroganov, M. V.** Moskvyy ugolok / M. V. Stroganov // Tekst prostranstva: materialy k slovarju / avt.-sost. E. G. Milyugina, M. V. Stroganov. – Tver': SFK-ofis, 2014. – S. 145–148.

30. **Stroganova, E. N.** «Miniyatyurnyj mir» provincii v russkoj proze 1830-h – pervoj poloviny 1840-h godov / E. N. Stroganova // Russkaya provinciya: mif – tekst – real'nost' / Sostaviteli A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva; Sankt-Peterburg: Tema, 2000. – S. 196–205.

31. **Timenchik, R. D.** Sny Bloka i «peterburgskij tekst» nachala XX veka / R. D. Timenchik, V. N. Toporov, T. V. Civ'yan // Tezisy I Vsesoyuznoj (III) konferencii «Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaya kul'tura XX veka». – Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1975. – S. 129–135.

32. **Tolkovyy slovar'** zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalja. – Sankt-Peterburg; Moskva: Izd. M. O. Vol'f, 1882. T. 3: P. – 555 s.

33. **Toporov, V. N.** O strukture romana Dostoevskogo v svyazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshleniya / V. N. Toporov // Structure of Texts and Semiotics of Culture / Ed. Jan van der Eng, Mojmír Grygar. – The Hague; Paris, 1973a. – P. 225–302.

34. **Toporov, V. N.** Poetika Dostoevskogo i arhaicheskie skhemy mifologicheskogo myshleniya («Prestuplenie i nakazanie») / V. N. Toporov // Problemy poetiki i istorii literatury: Sbornik statej. – Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N. P. Ogareva, 1973b. – S. 91–109.

35. **Toporov, V. N.** Prostranstvo i tekst / V. N. Toporov // *Tekst: semantika i struktura*. – Moskva: Nauka, 1983. – S. 227–284.
36. **Toporov, V. N.** Peterburg i «peterburgskij tekst russkoj literatury» (Vvedenie v temu) / V. N. Toporov // *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury: Peterburg*. – Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1984. – S. 4–29.
37. **Toporov, V. N.** Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe / V. N. Toporov. – Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. – 624 s.
38. **Toporov, V. N.** Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy / V. N. Toporov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb., 2003. – 612 s.
39. **Toporov, V. N.** Peterburgskij tekst / V. N. Toporov. – Moskva: Nauka, 2009. – 820 s.
40. **Veselova, A. Yu.** «ZATO my delaem rakety i perekryli Enisej...» (Krasnoyarsk-26. Kul'turnyj fenomen zakrytogo goroda) / A. Yu. Veselova // *Provinciya kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya* / Sostaviteli A. F. Belousov, M. V. Stroganov. – Tver': Zolotaya bukva, 2001. – S. 72–75.
41. **Veststejn, V.** Ponyatie «provinciya» v nekotoryh zapadnoevropejskih yazykah (anglijskom, francuzskom, nemeckom i niderlandskom) / V. Veststejn // *Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty* / Sostaviteli V. V. Abashev, A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 497–502.
42. **Zajonc, L. O.** Istorija slova i ponyatiya provinciya v russkoj kul'ture / L. O. Zajonc // *Russian Literature (Amsterdam)*. – 2003. – Vol. LIII. – № II/III. – P. 307–330.
43. **Zajonc, L. O.** Russkij provincial'nyj “mif” (K probleme kul'turnoj tipologii) / L. O. Zajonc // *Geopanorama russkoj kul'tury. Provinciya i ee lokal'nye teksty* / Sostaviteli V. V. Abashev, A. F. Belousov, T. V. Civ'yan. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 427–456.
44. **Cross, F. M., jr.** The History of the Biblical Text in the Light of Discoveries in the Judean Desert (1964) // *Qumran and the History of the Biblical Text* / Ed. by Frank Moore Cross and Shemaryahu Talmon. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1975. – Pp. 177–195.
45. **Cross, F. M., jr.** The Contribution of the Qumran Discoveries to the Study of the Biblical Text (1966) // *Qumran and the History of the Biblical Text* / Ed. by Frank Moore Cross and Shemaryahu Talmon. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1976. – Pp. 278–292.